

люди советского искусства

РЯДОМ СО ЗНАМЕНОСЦАМИ ИДУТ МУЗЫКАНТЫ

БЛОК ощущал великое эмоциональное единство музыки и революции. Луначарский анализировал их сущность, решая вопросы связей музыки и революции как эстетическую и социальную проблему. Только современниками Октября была впервые по-настоящему осознана вся сила взаимопроникновения этих двух огромных человеческих стихий. Та сила, которая в эпоху социалистического переворота сделала и песню, и симфонию пламенным документом революции...

Когда грядущие поколения будут обращаться к произведениям искусства, чтобы постигнуть эмоциональный опыт, красоту идеалов прошедших революций, рядом с именами музыкальных гениев — Бетховен, Шопен, Вагнер — они назовут имя русского композитора. И имя это будет символизировать в сознании потомков совесть, человечность, явление искусства XX века, явление, которое могли породить лишь Октябрь и благородная традиция русской революционной художественной интеллигенции.

Имя это — Дмитрий Шостакович.

Острые впечатления его детства — петроградские события 1917 года. Он помнит взбаламученные улицы революционного города, стычки демонстрантов с полицией. Он помнит, как в памятный день 3 апреля рабочие, солдаты и матросы слушали речь Ленина на площади Финляндского вокзала. Одиннадцатилетний Шостакович был среди них. Революция рано пробудила в нем гражданское чувство. Свои первые детские сочинения для фортепьяно он назвал «Солдат», «Гимн свободе», «Траурный марш памяти жертв революции». Уже тогда великая тема влетала в музыкальное мышление юного композитора: мотивы скорби о павших бойцах.

Музыка и революция вошли вместе с детством в тружениче-

скую жизнь Шостаковича. Вспоминает те годы Дмитрий Дмитриевич говорит:

— Октябрьская революция определила жизнь моего поколения. Стиль творчества. Тематику. Язык. А главное, — она создала тот подъем эмоциональных сил и ту особую душевную «температуру», которая всегда поднимает творчество над обыденной житейской суетой... Мы рано стали взрослыми... Революция закалила нас, и вот эта закалка, духовная и физическая, помогла потом долгие годы, ибо ведь замечено: детство не умирает в человеке.

Музыка Шостаковича — как речь к человечеству от лица пострадавших победу борцов.

С каким-то подвижничеством, напряженным чувством долга он постоянно возвращается в своем творчестве к теме революции, к истокам нового мира — событиям 1905 и 1917 годов. Долго вынашивает в своем сознании образ Ленина, который задал в его памяти с апреля-ского дня на площади Финляндского вокзала.

— С тех пор, — говорит Шостакович, — не скрою — я лелеял смелую мысль: воплотить в музыке образ Ленина. Решился на это спустя много лет, в Двенадцатой симфонии, но и сейчас не считаю задачу выполненной до конца.

Путь Шостаковича к теме революции был полон исканий и смелых экспериментов. Первые попытки воплотить образы массового революционного действия вылились в две симфонии 20-х годов: Вторую — «Посвящение Октябрю» — с хором и симфоническим оркестром, а также симфонию на слова А. Безыменского и Третью симфонию — «Первомайскую» — со стихами С. Кирсанова, которую Б. Асафьев назвал «едва ли не единичной попыткой рождения симфонизма из динамики революционного ораторства, ораторских интонаций». В Третьей симфонии, где Шостакович, в частности, пытался представить речь оратора-трибуны, обращенную к массе, уже четко обозначилось стрем-

ление композитора утвердить героическое начало и сделать демократическим язык музыки.

Новые попытки подступиться к революционной теме относятся к 30-м годам. Шостакович задумывает и приступает к осуществлению симфонии с хором и вокальными соло под названием «От Карла Маркса до наших дней».

— В основу ее, — говорит Дмитрий Дмитриевич, — были положены материалы из биографии Маркса и истории революционного движения на Западе и в России вплоть до Октябрьской революции.

В этих поисках великой темы очень важной была для композитора работа в кино: к середине 30-х годов у Шостаковича наметился прочный интерес к пролетарскому песенному фольклору.

Первое же прикосновение к мелодиям городских рабочих окраин и старым революционным песням принесло успех. Сразу шагнули в жизнь с экран романтические, внешне незамысловатые песни «Кружится, вертится шар голубой» (из кинотрилогии о Максиме), «Тучи над городом встали» («Человек с ружьем»), не говоря уже о «Первенце» советской массовой молодежной песни — «Песне о встрече» («Встречный»), получившей исключительную популярность. Кино оказалось отличной лабораторией для опытов с революционным фольклором. В отдельных симфонических эпизодах к киноповествованию

симфонии историческую документальную конкретность, делает ее великим орудием гуманистического действия — орудием борьбы. Шостакович изучает человека нового общества и вступает в борьбу за него, отстаивает его идеалы.

— Главное — любовь к людям, составляющим оплот культуры, цивилизации, жизни, — говорит композитор.

Чтобы снова подойти к теме революции, Шостаковичу нужен был этот большой этап создания инструментальных симфоний-драм о становлении и жизни нового человека (Пятая симфония), о его борьбе с фашизмом (Седьмая), о величии и бессмертии человеческого сердца (Восьмая), о защите прекрасного в жизни (Десятая). Вера в человека, как возобладавшая идея творчества Шостаковича, подняла мышление художника на ту высокую ступень зрелости, с которой жестокая борьба за правду и свободу у истоков русской революции предстала как величайшее деяние истории. Рассказ об этом деянии мог быть создан только на фактически достоверной основе, на материале творчества самих участников революции.

И Шостакович постарался услышать и понять живые голоса этих людей.

Так появились Десять поэм на стихи революционных поэтов для смешанного хора без сопровождения. Настоящие маленькие вокальные драмы, они засверкали чутко воспроизведенными интонациями гимнов

выш хорал «Обнажите головы!», предвещающий кровавую развязку. И когда шествие застыло в немом молчании, резко и лютю разрывая ледяной воздух Дворцовой площади хлещущая барабанная дробь. Начинается расстрел...

Не будь у Шостаковича опыта Сельмой и Восьмой симфоний с их образами «нашествий» бесчеловечных сил, быть может, этот исторический эпизод не получил бы столь выразительного и совершенного воплощения. Так же точно, как, не будь в предшествующей музыке Шостаковича глубоко захватывающих страниц скорбной музыки памяти павших (например, траурного марша в Седьмой симфонии, реквиема-пассакалии в Восьмой и Третьем квартете, скорбного, как надгробная эпитафия, монолога фагота в Largo Девятой симфонии и так далее), мужественный пролетарский реквием, основанный на песне «Вы жертвою пали», быть может, не вылился бы с такой свободой в целую часть симфонии — «Вечная память».

Последняя часть — «Набат» — образ разгорающегося восстания. Ритмы революционных песен разбивают оцепенение площадей у царских дворцов. Волнами вздымается энергичный напор народной массы, охваченной радостным возбуждением справедливой борьбы, и на гребнях этих волн вспыхивают, как лозунги и флаги, прекрасные мелодии — «Смело, товарищи, в ногу!», «Варшавянка», «Беснуйтесь, тираны!». И вдруг смолкает все, и сквозь едва мерцающее тремоло вновь проступают оцепенелые аккорды «Дворцовой площади» — ненавистная твердая власть пока стоит! Народ еще не одолел ее. Тихо, печально поет английский рожок мелодию «Обнажите головы!» — как голос истории-судьи, голос вечной совести, скорбящей и зовущей к мщению...

Как близок этот символический эпизод к кульминации Восьмой симфонии, где после разрушительной битвы скорбный голос английского рожка словно оживляет биение замолкшего сердца!.. Так в музыке Шостаковича переключается идея о бессмертии человеческого сердца с идеей о бессмертии революции...

Тема революции, тема гражданского долга перед ней и ее светлыми идеалами — идеалами разума, человечности, социальной справедливости — получают в творчестве Дмитрия Шостаковича последних лет все более открытое публицистическое звучание. В героической партитуре Двенадцатой симфонии, где на первом месте фигура мыслителя и корифея революции Ленина, где лирико-эпическая тема чаяния народного озаряется в апофеозе красками гимна радости, символизируя приход новой Зари человечества.

Наконец, в последней симфонической поэме «Октябрь», посвященной ныншему нашему празднику — пятидесятилетию юбилею революции, где найденный уже в Двенадцатой симфонии обобщенный героико-эпический стиль повествования еще раз приобретает свежую окраску. Снова — история, снова — революция: композитор пришел к счастливой мысли — он симфонически развил мелодию своей партизанской песни из кинофильма «Волочаевские дни»...

— Настоящая музыка всегда революционна, — говорит Дмитрий Дмитриевич. — Она сплавляет людей, тревожит их, зовет вперед... Всякий раз, когда человечество движется вперед, в первых рядах, рядом со знаменосцами, идут музыканты. Они прибавляют сил мужественным и сильным борцам, они зовут слабых и колеблющихся.

Таков наш великий современник Дмитрий Шостакович — певец бессмертия человека-борца, певец бессмертия революции!

Тамара ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО

В заголовке: Дмитрий ШОСТАКОВИЧ. Фото О. Макарова (Ленинград). С выставки «50-летие Октября в художественной и документальной фотографии».